

В 2007-08 годах я тесно сотрудничал с журналом «Цифровик». Журнал этот, хоть и имел такое страшное название и подзаголовок «рекламно-информационное издание», был весьма содержательным, в нём было опубликовано много интересных статей, интервью, фотографий и рецензий. Я же придумал, предложил и регулярно предоставлял материалы для своей авторской рубрики «ФОТОФАКТ». Её стиль, можно даже сказать – жанр, я определил как «творческое разглядывание старых фотографий». Тогда-то я и начал писать короткие тексты, да так этим увлёкся, что сейчас пишу для своего сайта тексты в похожем «формате».

Рубрика «ФОТОФАКТ» просуществовала чуть больше года, затем я задумал делать в каждом номере разворот с ослепительной старой фотографией без комментариев с тем, чтобы её можно было аккуратно из журнала выдрать и повесить на стену в виде постера. Затем журнал стал меньше по объёму, на некоммерческие материалы места стало оставаться всё меньше и меньше, затем уменьшился формат, а затем журнал и вовсе прекратил своё существование. Задуманный же мной и Александром Шмаковым, редактором «Цифровика», фотографический альманах «Контраст» и вовсе остался лишь проектом...

Фотография из Центрального Государственного Архива кинофотофонодокументов СПб

PUNCTUM

20 июля 1914 года император Николай II с балкона Зимнего дворца объявил манифест о вступлении России в Первую мировую войну. Я не думаю, что фотограф, так запечатлевший данное историческое событие, видел в этом кадре художественные достоинства, скорее, сетовал на нехватку длиннофокусной оптики. Мы же, обременённые историческим опытом, зная, что именно это событие стало началом конца Российской империи, воспринимаем драматичность композиции, напряжённость крошечной фигурки

императора уже как знак, как пророчество. Для меня на этой фотографии есть и «бартовский» PUNCTUM, это трещина на стене над головой государя.

Специально для этой публикации я приобрёл недавно фотооткрытку, выпущенную предприимчивым издателем буквально на злобу дня. Обратите внимание на почтовый штемпель.

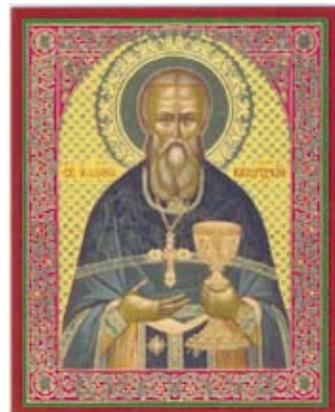
Дмитрий Горячёв,
www.collectio16.spb.ru, artcards@mail.ru

Открытка из собрания автора

Предметы из собрания
И. Е. Филимонова

1. Цветная фотолитография на металле (конец 19 в.).
2, 3. Фотография и открытка (нач. 20 в.)
4. Современная икона

ФОТОГРАФИЯ СВЯТОГО

Первую выставку фотографий с негативов из Государственного архива кинофотофонодокументов я сделал в 1999 году. Она называлась «Святой праведный Иоанн Кронштадтский на фотографиях», с успехом прошла в арт-центре «Митьки-ВХУТЕМАС», а затем, стараниями отца Геннадия, и в Кронштадте, в музей-квартире Иоанна Кронштадтского. Фотографии для выставки я в архиве печатал сам, все с оригинальных стеклянных негативов. Ощущение чуда, когда на глазах, в буквальном смысле этого слова,

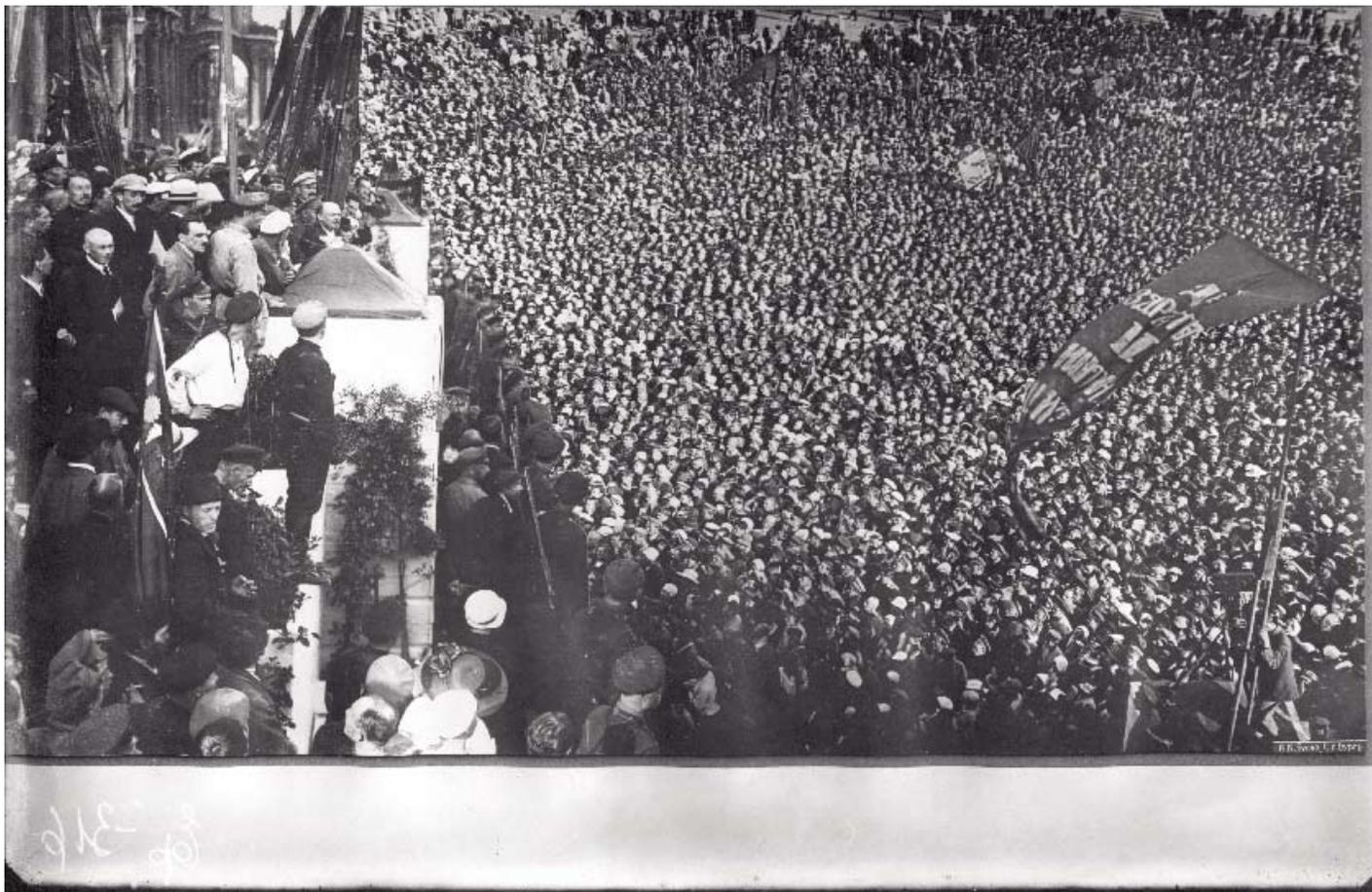
проявлялся лик Святого, сложно передать словами. Всего в Архиве хранится около двадцати негативов с изображением батюшки Иоанна, в основном все они постановочные: батюшка на обеде, батюшка среди воспитанников приюта, «канонические» тиражируемые портреты; жанровая, репортажная фотография, пожалуй, только одна, её я и выбрал для данной публикации.

Дмитрий Горячёв,

www.collectio16.spb.ru, artcards@mail.ru

Идеологический фотомонтаж

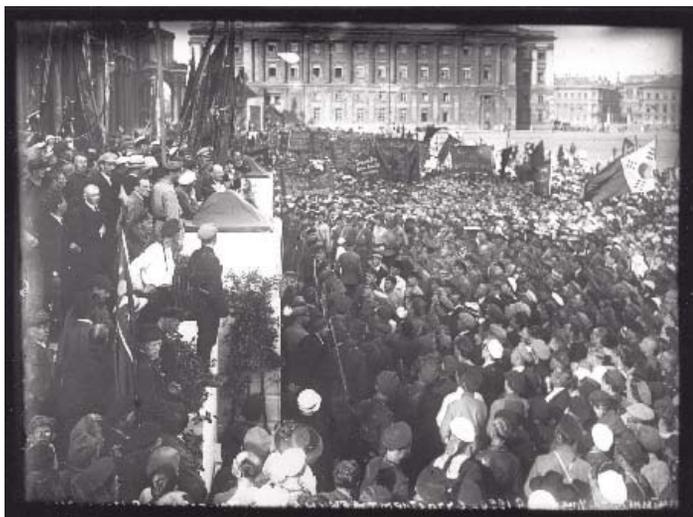
Ещё сравнительно недавно в Архиве кинофотодокументов на каталожной карточке этой фотографии был гриф: «В работу не давать: монтаж!» По архивным правилам такое изображение не является собственно фотодокументом, а если рассматривать его как документ эпохи, то хранение таковых скорее компетенция музея, нежели архива. В советское время эти правила вспоминали зачастую из идеологических соображений. Карточки и этого монтажа, и исходников хранятся в каталоге в одном ящике: «Выступление Ленина в день открытия Второго конгресса Коминтерна, Петроград, Дворцовая площадь, 19 июля 1920 г.» Я давно их заприметил, всё ждал повода опубликовать своё «открытие», благо надпись «в работу не давать» уже зачёркнута.

Когда этот материал был уже готов, я наткнулся в Доме книги на альбом с интригующим подзаголовком: «Фальсификация фотографий и произведений искусства в сталинскую эпоху».*

Каково же было моё изумление, когда я обнаружил в нём разворот про этот монтаж с такими же иллюстрациями! Ведь автор не пользовался материалами Архива, в ссылках это, во всяком случае, не указано, а сам монтаж взят из журнала «Красная нива» за 1924 год.

Дм. Горячёв, collection16@yandex.ru

*Дэвид Кинг, «Пропащие комиссары», М., «Контакт-культура», 2005

Фотография из Центрального Государственного архива кинофотодокументов СПб

Параллель с подтекстом

Серия открыток «Прошлое и настоящее» была выпущена в 1957 году госфотокомбинатом «Ленфотохудожник». Видимо, это был набор. Сколько штук в него входило, я не знаю, у меня есть четыре.

Книга о фотографических фальсификациях так меня впечатлила (см. прошлый номер), что я усмотрел в этих вполне безобидных фотооткрытках пропаганду с весьма остроумной подтасовкой.

Рабочие окраины, судя по известным мне архивным фотографиям, в самом деле выглядели достаточно уныло; действительно ли на открытках изображены одни и те же места, понять практически невозможно, это скорее вопрос веры. Но чтобы развеять все сомнения, в серии есть более внятная параллель — Невский ещё без Елисейевского магазина и современный вид с троллейбусами. Рядом с ней по аналогии так же безоговорочно должна восприниматься и лужа на месте станции метро «Автово». Не следует забывать, что в советские времена Елисейевский был «Гастроном № 1» — эдакий образцово-показательный «храм продовольствия». Человек несведущий и само здание зачастую воспринимал как архитектурное достижение советской власти. Возможно, в этой серии есть и открытка, где в качестве «прошлого» взята фотография Исаакиевской площади без гостиницы «Астория». В архиве есть такой негатив.

Дм. Горячёв
collection16@yandex.ru

1. Ленинград. Жилища рабочих Кировского завода (бывш. Путиловский завод).
2. Ленинград. На Большой Охте.
3. Ленинград. За Невской заставкой.
4. Ленинград. Невский проспект.

Изменения

Невский проспект без дома компании «Зингер», Исаакиевская площадь без гостиницы «Астория», Нева без привычного Троицкого моста — такими эти места существуют теперь только на фотографиях. Облик города меняется, он меняется всегда, но в последнее время изменения происходят так стремительно, что порой не узнаешь знакомых с детства улиц, если не был там около года. Каждый месяц на теле города возникают новые сооружения, которые язык не поворачивается называть зданиями, уж больно они напоминают теплицы. Легкие стальные быстровозводимые конструкции танутся вверх, к солнцу... Через несколько лет мы не сможем вспомнить, не только как всё выглядело без этих бесчисленных «бизнес-центров», но и чем народ занимался, когда их не было. Неужели в самом деле за три колеек ездил в переполненных трамваях на фабрики и заводы?..

Дмитрий Горячев

• Невский проспект (до постройки здания фирмы «Зингер»). Фото из ЦИАКФФД СПб.

• Сад Смольного (до постройки небоскрёба «Охта-Центр»), 2007. Фото автора

Главмясо

Как раз в тот день, когда в магазине «Старая книга» на Литейном мне попался этот замечательный фотомонтаж (в Архиве кинофото документов подобные монтажи называют «таблицами») я читал Андрея Платонова.

«Однако, опершись рукой на спящего быка, Вермо уже приобрёл другую догадку: не пришла ли пора отойти от ветхих форм животных и завести вместо них социалистические гиганты, вроде бронтозавров, чтобы получить от них по цистерне молока в один удай?» («Ювенильное море»).

Потрясающее совпадение, если учесть, что повесть эта была написана в 1934 году...

Дмитрий Горачёв

• Выпускной фотомонтаж курсов технического минимума директоров мясокомбинатов, 1935 г., 30x40 см (фотография из коллекции автора)

• Павильон ВДНХ (любительская фотография 50-х годов из коллекции автора)

Фотография на память

В самом полном на сегодняшний день именном справочнике петербургских фотографов под редакцией Ю. Н. Сергеева* указаны адреса восьмидесяти фотоателье только на Невском проспекте, в период с 1850 по 1950 год в них работало более двухсот человек. А во всём городе, судя по количеству дошедших до нас кабинет-портретов, фотооткрыток и визиток, фотографов, я думаю, было не меньше, чем парикмахеров, адвокатов или портных, ведь желающих сфотографироваться «на память» было хоть отбавляй.

Очень была востребованная профессия в начале прошлого века, да и процедура регистрации частного предпринимателя-фотографа была, видимо, проще, чем врача или трактирщика. Подлинная ценность этого фотографического наследия только в семейных архивах, поэтому для данной

публикации я подобрал кабинетки по «формальному признаку», по неожиданности фамилии фотографа.

* «Фотографии на память. Фотографы Невского проспекта», СПб., «Славия», 2003.

Дм. Горячёв
Фотографии из коллекции автора

Цвет детства

Моё детство прошло в однокомнатной квартире стандартной «хрущёвской» пятиэтажки. Отец, как и все инженеры, был заядлым фотолюбителем: на антресолях совмещённого санузла стоял увеличитель, по ночам в выходные он доставал его и печатал маленькие (9x12) фотографии. Ещё он снимал слайды на плёнку «ORWO». Удачные кадры вырезались и вставлялись в пластмассовые или картонные рамки; последние были очень неудобными:

они постоянно застревали в диапроекторе, но использовались при этом значительно чаще — то ли ради экономии, то ли пластмассовые были дефицитом, не помню почему. Рассматривая эти картонные квадратики с выгоревшими, «полинявшими» — просится такое слово — изображениями я умом понимаю, что и тридцать лет назад небо было таким же синим, а деревья — зелёными, как сейчас, но когда я вспоминаю детство, память почему-то подкидывает именно такую блёклую картинку.

Интересно, если бы этих слайдов вовсе не существовало, какого цвета были бы мои воспоминания?

Дм. Горячёв

Минводы

После войны, а заодно и депортации ряда народов Северного Кавказа, началось новое освоение модного в начале 20 века российского курорта — района Кавказских Минеральных вод. Строились новые корпуса санаториев, парки и склоны гор украшались бетонными скульптурами крестьян, турлистов, оленей и пр. До главной местной достопримечательности — места дуэли Лермонтова — была проложена широкая асфальтированная дорога. Доведшие до нас фототипыти 50+ годов создают ощущение «земли обетованной», эдакого социалистическогорая. Большею частью они раскрашены вручную, ведь рай не мог быть чёрно-белым. Представленные в этой публикации экземпляры были изготовлены фотоотделом издательства газеты «Ставропольская правда» (илл. 1, 2, 4, 5, 6, 8, 9, 12), фотопроизводством артели инвалидов «2+ пятилетка» (илл. 7, 10, 11, 12) и фотокомбинатом Главкурортторга Министерства Торговли СССР (илл. 3). Тиражи на них указаны от 500 штук до 14 тысяч, а есть и вообще весьма удивительные: 2403 шт. и 5029 шт.

Весной непременно поеду в Пятигорск или Кисловодск, «на воды», как говорили раньше. Здоровье хочу поправить и на месте разобраться, насколько сейчас является «курортным» эпитет, как пишут на бутылках «Ессентуков», «особо охраняемый эколого-курортный регион». Там ведь «горячая точка» совсем рядом...

Дмитрий Горячев

1. Кисловодск. Фотомонтаж
2. Ессентуки. Фотомонтаж
3. Кисловодск. Колоннада
4. Кисловодск. Скульптура туриста
5. Кисловодск. Замок турарства и Любви
6. Кавказ. Гора Казбек
7. Пятигорск. Пруд в парке Культуры и Отдыха
8. Кисловодск. Зеркальный пруд
9. Кисловодск. Санаторий им. Орджоникидзе
10. Ессентуки. Ореанда и скульптура крестьянина
11. Пятигорск. Въезд на место дуэли Лермонтова
12. Ессентуки. Грязелечебница им. Семашко
13. Ессентуки. Источник №17

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

В 1912 г. в России выпито 96.500.000 вёдер водки. Сколько пропито русским народом на водке, если 1 ведро её стоит 8 руб. 40 коп.?

*Сборник задач противоалкогольного содержания
М. 1914 – СПб. 2008*

Народные дома (в советское время подобные образования назывались Домами культуры) были призваны отвлечь народ от пьянства, организовать его досуг и дать возможность трезвого времяпрепровождения. В начале прошлого века Санкт-Петербургским Попечительством о народной трезвости в Александровском парке был открыт Народный дом императора Николая II. В нём существовал Музей алкоголизма, экспонатами которого были всевозможные устрашающие рисунки, таблицы, диаграммы и прочие предметы, наглядно демонстрирующие вред пьянства, например, заспиртованная печень алкоголика. Были также представлены коллекции наиболее употребительных одурманивающих веществ и, наоборот, патентованные средства против пьянства и запоя. При Попечительстве существовала также амбулатория для страдающих алкоголизмом. На данной архивной фотографии главный врач этого учреждения доктор медицины А. Л. Мендельсон (крайний справа) демонстрирует «живой экспонат» — своего пациента.

Дм. Горячёв

Фото из ЦГА КФД СПб, фотограф К. Булла, 1909 г.

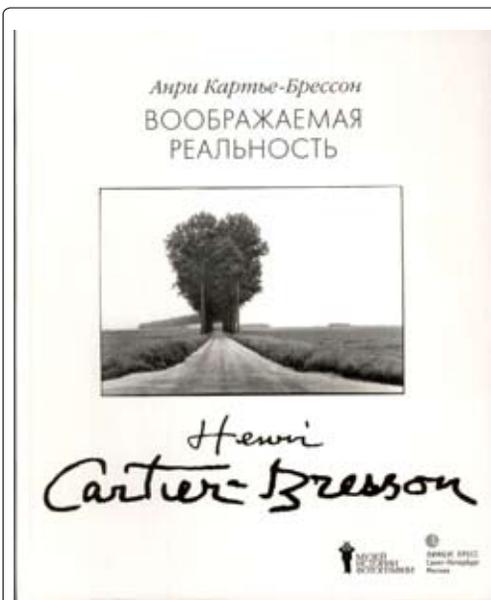

НАРОДНОЕ ФОТОИСКУССТВО

Что определяет ценность и, простите за каламбур, цену фотографии? Известность и «раскрученность» автора или собственно изображение? Такой вопрос мог бы показаться наивным, если бы не вошедший сравнительно недавно в обиход термин «анонимная фотография». К этой интересной теме в ближайшее время я надеюсь обязательно вернуться.

После того, как я купил альбом анонимной фотографии (он продаётся в книжном магазине «Англия» на Фонтанке), все попадающиеся мне старые фотографии я невольно стал рассматривать с точки зрения возможности их публикации в подобном издании. За последнее полгода пересмотрел я фотографий много, но, пожалуй, только одна попадает в заданный формат, да и то лишь изображением; хорошо читаемый штамп фотоателье «Русская фотография А. Перепёлкина, г. Чухлома» выводит её из разряда анонимной. Место её, скорее, в отделе народного искусства Государственного Русского музея. Рядом с лубком, свистульками, прялками и резными наличниками.

Дм. Горячёв

Издательство «Лимбус Пресс» и «Музей Истории Фотографии»
представляют

СБОРНИК КЛАССИЧЕСКИХ ЭССЕ АНРИ КАРТЬЕ-БРЕССОНА «ВООБРАЖАЕМАЯ РЕАЛЬНОСТЬ»

Анри Картье-Брессон, Главный Фотограф XX столетия, умер в 2004 году в возрасте 95 лет. Незадолго до смерти он составил сборник своих статей и эссе о фотографии — своё творческое завещание, которое наконец-то приходит к российскому читателю, благодаря стараниям издательства «Лимбус Пресс» и «Музея Истории Фотографии».

Само название книги — «Воображаемая реальность» — парадоксально и созидательно. Не будем забывать, что её автор — стихийный буддист, для которого парадокс есть основа постижения полноты мира.

Так о чём же эта книга? О дружбе с выдающимися современниками? О том, как вести себя на съёмке? О времени, о его многоликости? Да, безусловно, и ещё о том, что открывается только избранным, о том, что и делает фотографию долгожданным первенцем в одряхлевшей семье классических искусств.

Иллюстрации на полосе:

Выставка Аркадия Петрова в Мраморном дворце, февраль 2008

Фотооткрытка начала XX века подготовленная к пересъёмке

Раскрашенная фотооткрытка начала XX века

Раскрашенная фотография 50-х годов

ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ

В Русском музее недавно проходила выставка московского художника Аркадия Петрова. Родом он с Донбасса; в своих воспоминаниях художник так описывает жизнь маленького шахтёрского посёлка послевоенных лет, в котором прошло его детство: «В центре посёлка базар. Там всегда праздник. Перед входом слепой баянист с кружкой и душераздирающими песнями. Вокруг него толпа. Рядом «немой» с раскрашенными фотографиями, изображающими

Сталина, красавиц, райские уголки попеременно с порнографией...» К образу раскрашенной анилиновыми красками фотографии художник часто обращается в своём творчестве: для него это очень характерная деталь быта глухой советской провинции. Для изготовления таких фотографий чаще всего переснимались проверенные временем образцы — довоенные или дореволюционные фотооткрытки, тоже, кстати, часто раскрашенные и немного доработанные разного рода виньетками, текстами и рисунками. Вот такая долгая жизнь может быть порой у незамысловатого фотосюжета.

Дм. Горячёв

* «Аркадий Петров». Альманах. Вып. 118. Palace Editions, СПб, 2007

Демонстрация служащих трактирного промысла. 1917 г. Петроград.

Первая авиационная пещера. Марин зарплатана. Петербург. 1910 год. Фотоальбом Бума. ЦИФОВИ

НА ФОТО: ЛЮБЕРСКИЙ ПОХОД, ВУЛЫЦА, 1935 ГОД. ЦГА ИРОД СПб

Ольга Берггольц

* * *

Я иду по местам боев.
Я по улице нашей иду.
Здесь оставлено сердце мое
в том свирепо-великом году.

Здесь мы жили тогда с тобой.
Был наш дом не домом, а дотом,
окна комнаты угловой —
амбразурами пулемётам.

И все то, что было вокруг —
огнь, и лёд,
и шаткая кровля,—
было нашей любовью, друг,
нашей гибелью, жизнью, кровью.
В том году,
в том бреду,
в том чаду,
в том, уже первобытном, льду,
я тебя, моё сердце, найду,
может быть, себе на беду.

Но такое,
в том льду,
в том огне,
ты всего мне сейчас нужней.
Чтоб сгорала мгновенно ложь —
вдруг осмелится подойти,—
чтобы трусость бросало в дрожь,
в леденящую,— не пройдешь! —
если встанет вдруг на пути.
Чтобы лести сказать: не лги!
Чтоб хуле сказать: не твоё!
Друг, я слышу твои шаги
рядом, здесь, на местах боев.
Друг мой,
сердце моё, оглянись:
мы с тобой идём не одни.
Да, идет по местам боев
поколение твоё и моё,
и — ещё неизвестные нам —
все пройдут по тем же местам,
так же помня, что было тут,
с той железной молитвой пройдут...

1964

Ольга Фёдоровна Берггольц. 1946 год. Фото Н. Караваева. Собрание ЦГАКФД СПб